

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны. ¹⁾

2 декабря. Его Величество Государь Императоръ изволилъ отбыть, 29-го ноября, изъ города Тифлиса къ Кавказской дѣйствующей арміи.

30-го ноября, въ воскресенье, Государь Императоръ посѣтилъ крѣпость Карсъ.

1-го декабря, утромъ, Императорскій поѣздъ прибылъ на станцію „Сарыкамышъ“, крайній пунктъ желѣзнодорожной линіи, гдѣ сосредоточены запасы и военныя учрежденія, обслуживающія значительную часть кавказской арміи.

Обойдя на станціи почетный караулъ и пропустивъ его церемоніальнымъ маршемъ, Государь Императоръ принялъ военначальствующихъ лицъ, послѣ чего отбылъ въ военную церковь въ селеніе Сарыкамышъ.

Отслушавъ молебствіе, Государь Императоръ прослѣдовалъ въ автомобилѣ на пограничный съ Турціей постъ, составляющій одинъ изъ пунктовъ той позиціи, которую въ настоящую минуту занимаютъ русскія войска.

Сюда заблаговременно были собраны наиболѣе отличившіеся въ бою нижніе чины частей, находящихся на передовыхъ позиціяхъ. Государь Императоръ обходилъ войска и Собственно-ручно роздалъ Георгіевскіе кресты и медали.

Слышалъ рассказъ дальневосточнаго дѣятеля о томъ, какъ Германія науськивала на насъ Китай, внушала ему всѣми способами, что теперь только самое удобное и безопасное время для нападенія на Россію, у которой германцы уже давно взяли

¹⁾ См. „Редак. Стар.“ февраль 1915 г.

Петроградъ. Разумѣется, тевтоны не брезгали никакими средствами—подкупомъ вліятельныхъ лицъ, печати, безсовѣстнымъ искаженіемъ событій, доставленіемъ оружія и др. Но Китай, тщательно охраняемый Японіей, взываетъ нѣмецкія денежки, но выступленій никакихъ не дѣлаетъ.

Въ Забайкальѣ стоятъ лютые морозы, въ 50 градусовъ, и птицы мерзнутъ на-лету.

Какіе у насъ встрѣчаются теперь патріотическіе дѣятели изъ купечества. Еще ни въ одну войну подобные дѣятели не обнаружили такого подъема къ набиванію своего кармана, какъ въ настоящую войну. Мелкое купечество увѣряетъ, что всѣ эти дѣянія якобы дѣла нѣкоторыхъ оптовиковъ. Цѣны на жизненные припасы растутъ не по днямъ, а по часамъ.

Въ одной изъ корреспонденцій приведенъ интересный рассказъ польскихъ крестьянъ о томъ, какъ шелъ казачій разъѣздъ и какъ онъ встрѣтилъ 20 человекъ конныхъ нѣмцевъ, которые выкинули бѣлый флагъ, и лишь только казаки приблизились, то нѣмцы стащили ихъ съ коней и двухъ изъ нихъ тотчасъ же повѣсили, а третьему распороли животъ и вымотали всѣ кишки наружу. Когда казаки N-скаго полка откопали могилу замученныхъ, то съ несчастнаго съ выкрученными кишками былъ снятъ фотографическій снимокъ, обошедшій весь полкъ и вызвавшій крайнее озлобленіе. Пошли разговоры: надо нѣмцамъ отплатить съ лихвой.

Шли легендарные рассказы о томъ, какъ ночью въ лѣсу, по Запорожскому обычаю, будто бы казаки клялись убивать нѣмцевъ безъ пощады. Когда же пришлось N-скому казаку столкнуться съ лежащимъ нѣмцемъ, но, по словамъ Г. Петрова ¹⁾ дѣло произошло такъ:

„Мы двинулись дальше. Дѣйствительно, кусты скоро смѣнились лѣсомъ, дорога стала лучше, зато туманъ еще гуще и еще гнилѣе и холоднѣе. Ёдемъ; вдругъ впереди топотъ; кто-то ѣдетъ верхомъ. Остановились. Прислушиваемся: одинъ. Двигаемся далѣе. Нагоняемъ. Топотъ оборвался; остановились и мы.

— Кто тамъ?—тревожно кричитъ правящій у насъ, готовый быстро ринуться впередъ.

¹⁾ „Русское Слово“ 1914 г. № 273.

— Свой!—слышится отвѣтъ, и къ намъ подъѣзжаетъ казакъ.

Черная мохнатая папаха и бурка. Бурка забрана почти вся напередъ и топорщится бугромъ. Видно, что у казака спрятано что-то подъ буркою, и спрятано большое.

— Куда ѣдешь?

— Посланъ въ лѣсъ дозоромъ, да вотъ вернулся...

— Зачѣмъ?

— По дѣлу...—запинается смущенно.

— А что у тебя спрятано?—говоримъ.

— Гдѣ?—больше и больше смущается казакъ.

— Гдѣ?... Подъ буркою!—начинаемъ мы подозрѣвать что-то нечистое.

— Подъ буркою...—мнется казакъ.—Такъ... по дѣлу.

— Чего такъ, по дѣлу! Покажи. Отверни бурку.

На нашъ окрикъ бурка раздвигается сама, и оттуда высунывается голова... нѣмца. Маленькая заморенная голова высунулась изъ-подъ бурочной полы, какъ голова цыпленка изъ скорлупы. Мы невольно разсмѣялись:

— Откуда это у тебя?

— Да ѣду я это тутъ лѣсомъ, пробираюсь съ опаскою. Слышу,—подъ деревомъ, въ сторонѣ, шорохъ. Прислушиваюсь: какъ быть,—одинъ. Взялъ на всякій случай пику наперевѣсъ и на шорохъ. Освѣтилъ электрическимъ фонаремъ: нѣмецъ. Отбился, надо-быть, отъ своихъ и запутался. Видимо, усталъ, да и вазябъ. Стоитъ и смотритъ на меня, словно ему все равно, что я съ нимъ сдѣлаю. Я его за собою:

— Иди, молъ!

Валится съ ногъ, а главное—дрожитъ. Не отъ страха, а отъ холода: одеженка-то на немъ лѣтняя. Ноги у него и одеревянѣли. Я его сгребъ за шиворотъ да на коня, впереди себя. Спрятался подъ бурку. Тутъ ему, знать, сразу потеплѣло. Сталъ что-то лопотать. По-своему. Не пойму, а вижу только, благодарить меня. Я приостановилъ коня, досталъ хлѣба. Пожевали съ нѣмцемъ оба. Поѣхали,—онъ у меня подъ буркою какъ будто и задремалъ въ теплѣ, какъ дитѣ на рукахъ у няньки.

— Такъ вотъ и ѣду съ младенцемъ,—улыбнулся казакъ.

Я вспомнилъ ходячіе рассказы и легенды о клятвѣ N—скихъ казаковъ и сказалъ:

— Значить, плѣннаго везешь?

— А то кого же?—удивился казакъ.

— А сказывали, что вы рѣшили плѣнныхъ не брать?

— Мало ли чего сказываютъ?—потупился казакъ.—Слово-

то, да особенно въ сердцахъ,—одно, а дѣйствіе—другое. Въ бою-то бьешь на-смерть, а безъ бою какъ на него руку подынешь? Безоружный, вѣдь, онъ! Тутъ, вѣдь, ужъ не бой будетъ, а убійство. Вонъ онъ сидитъ подъ буркою,—развѣ можно его убить?

— Ты!—ткнулъ его казакъ подбородкомъ въ темя.

Нѣмецъ поднялъ бокомъ на казака глаза и, очевидно, догадавшись, что рѣчь идетъ о немъ, и рѣчь для него не дурная, устало, но тепло улыбнулся.

— А вы куда ѣдете?—спросилъ казакъ больше для того, чтобы замять разговоръ о плѣнномъ.

Мы сказали, что въ такой-то штабъ.

— Такъ это прямо лѣсомъ, а потомъ большою дорогою направо. Я и самъ везу туда своего младенца.

— Только, пожалуйста,—попросилъ онъ насъ,—ежели будетъ тамъ рѣчь о плѣнномъ, когда привезу, не сказывайте, что я везъ его подъ буркою. Узнаютъ наши,—просмѣютъ бабою или кормилкою... Зубоскалы!

Удивительно организована у нѣмцевъ шпионская сигнализация. По словамъ очевидца: „Нѣтъ такой церковной колокольни, фабричной трубы или высокой кровли, на которыхъ у нѣмцевъ не было бы наблюдательнаго пункта, или не поставленъ былъ беспроволочный телеграфъ. Оттуда они оглядываютъ все, что внизу подъ ними, а въ зрительныя трубы слѣдятъ за нѣкоторыми окнами Лодзи, откуда имъ сигнализируютъ ихъ агенты. Ночью—разноцвѣтными фонарями, днемъ—зеркалами и флажками. Сколько разъ наши замѣчали. Работаетъ батарея чудесно. Никакъ ея они нащупать не могутъ. Какъ вдругъ около, въ окнахъ деревни, въ трубѣ оставленнаго дома, гдѣ-нибудь подъ кровлей, начинаютъ играть огоньки, или мельница замашетъ крыльями, или стогъ сѣна вспыхнетъ, и сейчасъ же туда направляется неприятельскій огонь. Мы то-и-дѣло ловимъ шпионовъ, которыхъ у нѣмцевъ тьма-тьмушая. Еще бы, давно готовились къ этой войнѣ. Колонистовъ ихъ—хоть прудъ пруди“¹⁾).

3-ю декабря. Отношеніе нашихъ офицеровъ и солдатъ къ плѣннымъ виждется на древней русской поговоркѣ „лежачаго не бьютъ“, а потому подчасъ и слагаются поразительныя явле-

¹⁾ „Русское Слово“ 2-го декабря 1914 года.

нія. Очевидцы рассказывали, какъ цѣлый поѣздъ австрійскихъ солдатъ изъ славянъ очень стройно пѣлъ „Боже, Царя храни“, а затѣмъ кричалъ: „ура, вивать! Живіо Царь Никола“.

Совершенно невѣроятное для германцевъ событіе, если бы кто-либо изъ нѣмныхъ англичанъ, бельгійцевъ, русскихъ или французовъ запѣлъ „Вахтъ амъ Рейнъ“.

Уже полгода ведется война и за все это время нигдѣ въ печати германской, австрійской, французской, англійской, бельгійской и русской не проскользнуло ни одного слова, гдѣ бы слагался хотя бы одинъ намекъ на благородный поступокъ нѣмца, начиная отъ кайзера, кронпринца до самаго послѣдняго солдата.

Въ занятыхъ нѣмцами городахъ Царства Польскаго офицеры и солдаты сильно пьянствуютъ. Солдаты массаами перепиваются до безчувствія, а затѣмъ ночью повальное пьянство завершается дракой и кровопролитной свалкой. Въ гор. Кутно недавно отрядъ нѣмецкихъ солдатъ вошелъ въ костелъ во время богослуженія съ пѣніемъ „Пупсика“. Не снимая касокъ и не выпуская изо-рта трубокъ, нѣмцы стали выталкивать молящихся изъ храма, сопровождая свои дѣйствія смѣхомъ и прибаутками: „Пошли прочь, скоты, представленіе кончено“. Конечно, богослуженіе было прервано.

Печально слышать, какъ русскіе люди добровольно отдавали себя въ мирную кабалу нѣмцамъ. Оказывается, что сѣмена свекловицы нѣмцы разводили въ Россіи и продавали ихъ русскимъ за 100 — 150 процентовъ прибыли. Особенно усиленно работала фирма „Рабсте и Гитике“.

Слышалъ такой рассказъ. Къ столу мирового судьи въ Бѣлостокѣ подходятъ двѣ бабы:

— Господинъ судья, — говоритъ одна изъ нихъ, — она меня обругала.

— Какъ же она васъ обругала? — спрашиваетъ судья.

— Она меня назвала „нѣмкой“ — отвѣтила жалобщица.

6—13 декабря. Къ началу декабря наши арміи расположились за рѣками Бзурой, Равкой, Нидой, Дунайцомъ и по Карпатамъ. Въ началѣ декабря мы потѣснили германцевъ въ

Млавскомъ направленіи, на правомъ берегу Вислы, и остановились по восточной окраинѣ Пруссіи. 6 декабря началась зимняя кампанія, въ которой Гинденбургъ предпринялъ свое третье наступленіе противъ нашихъ войскъ на Варшавскомъ фронтѣ, съ задачей во что бы то ни стало прорвать нашъ центръ и овладѣть Варшавой, а австрійцы предприняли противъ насъ демонстраціи на Карпатахъ. Съ 6 декабря начались безумныя, по своему упорству и по громаднымъ для германцевъ потерямъ, безчисленныя атаки на наши укрѣпленныя позиціи Варшавскаго фронта между Вислой и Пилицей по рѣкѣ Бзурѣ и Равкѣ. Появились въ донесеніяхъ эти доселѣ мало извѣстныя рѣки и мѣстечки Сохачевъ, Болимовъ, Рыбно, госп. дворъ, Жуковъ и другія.

Вильгельмъ въ своемъ приказѣ по арміи писалъ: „Вы должны взять Варшаву. Тамъ мы зажжемъ Рождественскую елку. Тамъ будутъ наши зимнія квартиры“.

Германскіе начальники стали исполнять этотъ приказъ и стали посылать въ атаку нѣмецкія войска въ густыхъ массахъ. Они ихъ оцаивали передъ атакой эвиромъ, коньякомъ и ромомъ. Ошалѣвшіе, озвѣрѣлые, шатаясь, съ хриплыми криками: „отдай Варшава“, нѣмцы лѣзли на наши окопы.

Не щадя силъ, не останавливаясь ни передъ какими жертвами, они набрасывались на наши войска, переходя отъ атаки къ атакѣ. Они лѣзли, какъ саранча на наши позиціи, гибли тысячами отъ нашего огня, оставляя передъ нашими окопами горы труповъ. Нѣкоторые участки нашихъ позицій нѣмцы атаковали непрерывно девять, десять, одиннадцать разъ.

Ни пьяный угаръ, въ которомъ нѣмцы бросались въ атаки, ни превосходство силъ въ отдѣльныхъ мѣстахъ не могли разорвать желѣзную цѣпь нашихъ войскъ. Прорвавшись въ одномъ мѣстѣ, они наталкивались на новую стѣну резервовъ, и послѣ штыковой схватки отступали на прежнія позиціи.

Наркотическое возбужденіе давало имъ ту силу и то упорство, котораго въ нормальныхъ условіяхъ лишены германскія войска. Но возбужденіе длилось недолго, и сплошь да рядомъ солдаты падали, не добѣжавъ до окоповъ, и засыпали, чтобы, ватоптанные слѣдующими своими частями, ужъ никогда не проснуться...

Эти пьяныя атаки отбивались съ неизмѣннымъ успѣхомъ великой трезвенницей русской арміей.

Одинъ штабъ-офицеръ въ своемъ письмѣ крѣпко и картин-

но сказалъ о нашемъ положеніи: „*Мы крѣпко стоимъ на Бзурѣ, и нѣмцамъ насъ не своротитъ*“.

Этотъ пьяный угаръ германцевъ имѣлъ послѣдствіемъ, что ихъ раненые были негодны на перевязку, ихъ надо было привести въ нормальное состояніе, и многія пустыя раненія сопровождались смертельными осложненіями, тогда какъ у нашихъ раненыхъ, русскихъ трезвенниковъ, раненія протекали зачастую просто чудесно, и нѣкоторые герои, съ прострѣленными грудями, убѣгали съ перевязочнаго пункта на позиціи.

Вотъ какъ описываются очевидцемъ ¹⁾ эти безчисленныя атаки германцевъ въ бою подъ Рыбно. „Начались онѣ съ вечера, какъ только стемнѣло. Когда по ту сторону, у непріятеля, слышались крики, и почудилось движеніе, наши думали, что это обычный обманъ непріятеля: вызвать русскихъ на себя и разстрѣлять ихъ изъ своихъ траншей. Мы остались спокойно у себя. Но скоро оттуда донеслось приближеніе большихъ массъ, и намъ пришлось отбивать обычное ихъ наступленіе густыми колоннами. Косили мы ихъ безъ счета. Особенно наши пулеметы нагромоздили ихъ скоро чуть не въ упоръ. Цѣлый валъ образовался изъ тѣлъ убитыхъ, изъ-подъ которыхъ раненые не имѣли силы выползти. Отбились, отхлынула волна назадъ, и не успѣли наши отдышаться, какъ нѣмцы опять, очевидно, впитавъ въ себя новую часть изъ подходившихъ ихъ отрядовъ, кинулись на русскіе окопы. Описать это сейчасъ почти невозможно. Въ эту темень, подъ молніями и громами артиллерійскаго боя, здѣсь совершались дѣла величайшаго мужества и безумной отваги. Нашихъ было гораздо меньше, чѣмъ противника. Мы должны были здѣсь драться наличностью однѣхъ и тѣхъ же силъ, но эта война приучила насъ и не къ такимъ еще подвигамъ. Девять атакъ одна за другой, одинаково неистовыхъ, когда упорство соединялось съ пьянымъ угаромъ, стремительность наступленія — съ густотою строя, были отбиты нами изъ окоповъ и встрѣчными ударами, для которыхъ нашимъ усталымъ героямъ приходилось выходить изъ-за своихъ валовъ. Тутъ наши смѣшивались съ нѣмцами, дрались лобъ въ лобъ, схватывались въ единоборствахъ, напоминавшихъ богатырей греческаго эпоса. Надо сказать правильнѣе: вся эта ночь была сплошнымъ боемъ, потому что атаки безъ перерыва сливались одна съ другою. Все простран-

¹⁾ В. И. Немировичъ-Данченко „Русское Слово“ 13-го декабря 1914 года.

ство между окопами было усѣяно тѣлами противниковъ. Ре-вѣли орудія, стучали пулеметы, грохотали ружья, вторя хрип-лому стихійному „ура“, и десятая атака, наконецъ, такъ смѣ-шала и насъ, и нѣмцевъ, что, вернувшись въ свои окопы, мы встали тамъ засѣвшихъ туда въ оторопи нѣмцевъ. Ихъ живо перекололи, но и еще приходилось въ зигзагахъ траншеи на-ходить ополоумѣвшаго и растерявшагося врага. Это былъ без-пощадный бой, хотя солдаты говорятъ сами, что имъ было по-рою жаль наносить ударъ одурѣвшему врагу, колоть пьяныхъ, а когда ломались или портились штыки, бить непріятеля при-кладами. Между десятою и одиннадцатою атаками промежутокъ былъ небольшой. Захваченные нами и увезенные съ собою плѣнные не понимали, гдѣ они, бессмысленно шли впередъ и часто заговаривали съ нашими, какъ со своими“.

Его Величество Государь Императоръ изволилъ прибыть 13-го сего декабря къ дѣйствующей арміи.

Разсказывали о чудесномъ спасеніи повозки съ полковой церковью. Повозка свалилась съ моста въ р. Санъ, и на гла-захъ всѣхъ, ее чудесно принесло теченіемъ на то самое мѣсто, гдѣ надлежало повозкѣ съѣхать съ моста.

Другой домъ, на стѣнѣ котораго висѣлъ образъ „Тайной Вечери“, былъ разрушенъ непріятельскими снарядами,—оста-лась только часть стѣны, гдѣ находился образъ.

Въ стѣнѣ образовалась дыра, давшая трещину до самаго гвоздя, на которомъ висѣлъ образъ, но послѣдній даже не по-качнулся.

Сестра милосердія одной изъ Парижскихъ общинъ сообщаетъ въ письмѣ въ Россію, что къ нимъ въ лазаретъ былъ достав-ленъ легко раненый германецъ, около койки котораго былъ по-стоянно зловонный запахъ. Долго не могли понять, откуда ис-ходитъ зловоніе. Стали обыскивать германца и нашли у него мѣшечекъ, который онъ тщательно хранилъ у себя. Мѣшечекъ открыли, и въ немъ оказалась кисть женской руки, пальцы ко-торой были покрыты драгоценными камнями.

Прочелъ приводимый ниже разсказъ сербскаго посланника Спалайковича ¹⁾ о знаменательномъ днѣ 11 іюля 1914 года.

„Посланникъ вспомнилъ день 11 іюля, когда для всѣхъ стало ясно, что единственнымъ исходомъ изъ тяжелаго положенія должна явиться война.

— Мнѣ пришлось,—говорилъ посланникъ,—подробно обо всемъ говорить съ министромъ иностранныхъ дѣлъ г. Сазоновымъ, который проявилъ большую рѣшимость и въ категорической формѣ заявилъ мнѣ, что Россія ни въ коемъ случаѣ не можетъ потерпѣть агрессивныхъ дѣйствій Австріи противъ Сербіи. Министръ сообщилъ, что ему пришлось говорить по этому поводу съ полной откровенностью съ германскимъ посломъ графомъ Пурталесомъ, и глава русскаго дипломатическаго вѣдомства заявилъ представителю Германіи, что нападеніе на Сербію затрагиваетъ самые жизненные интересы Россіи, а потому Императорское правительство будетъ принуждено принять тѣ мѣры, которыя оно найдетъ въ данномъ случаѣ нужными. Графъ Пурталесъ относился какъ будто съ нѣкоторымъ скептицизмомъ къ словамъ г. Сазонова, не допуская возможности, что Россія съ оружіемъ въ рукахъ будетъ защищать Сербію. Тутъ же г. Сазоновъ сказалъ германскому послу, что если бы вопросъ шелъ, напримѣръ, объ Албаніи, то конечно могли быть какія-либо соглашенія и Императорское правительство не считало бы дѣло столь обостреннымъ въ настоящій моментъ. Австрійскій ультиматумъ, по словамъ г. Сазонова, наносилъ ударъ Сербіи, какъ самостоятельному государству, и это—одна изъ основныхъ причинъ, почему конфликтъ не можетъ быть отнюдь улаженъ дипломатическимъ путемъ.

Графъ Пурталесъ, который такимъ образомъ былъ рѣшительно въ курсѣ всего происходящаго и истинныхъ намѣреній русскаго правительства, однако продолжалъ быть вполне увѣреннымъ въ томъ, что Россія войны не объявитъ.

11 іюля я, ожидая въ пріемной у министра иностранныхъ дѣлъ, столкнулся съ германскимъ посломъ. Онъ спросилъ меня, какія извѣстія получены изъ Сербіи, и тутъ же добавилъ: „Все это дѣло должно быть улажено между Сербіей и Австріей“: На это я возразилъ, что посолъ далеко ошибается, и что теперь вопросъ перешелъ на европейскую почву.

До послѣдней минуты графъ Пурталесъ и его ближайшій помощникъ фонъ-Люціусъ,—продолжалъ посланникъ,—были

¹⁾ „Нов. Вр.“ 10 дек. 1914 г.

убѣждены, что съ русской стороны только угроза и что на рѣшительный шагъ въ Петроградъ не пойдутъ. Нѣмцы убѣдили въ этомъ и австрійцевъ, которые полагали, что все дѣло можетъ быть улажено мирнымъ образомъ“.

Разсказывали объ изумительномъ дѣйстви жидкости доктора Малинина по истребленію всѣхъ паразитовъ и насѣкомыхъ. Книга объ этой жидкости издана въ Тифлисѣ въ 1905 г. докторомъ Григорьевымъ подъ заглавіемъ „Противомоскитная жидкость“, и навѣрное могла бы принести немалую пользу на войнѣ.

Передъ войной германское интендантство высылало особыхъ эмиссаровъ къ нашимъ нѣмецкимъ колонистамъ и въ Прибалтійскій край ¹⁾ для закупки въ громадномъ количествѣ гороха, фасоли, бобовъ, сала, а также на нашемъ югѣ громадныхъ заказовъ клецевиннаго масла, необходимаго для моторовъ, аэроплановъ и автомобилей. Таково было у насъ до войны засилье нѣмецкое, что и запасы на веденіе войны поступали нѣмцамъ изъ Россіи. Только одна война всколыхнула матушку Русь свергнуть съ себя иго нѣмецкое, которое не легче было для насъ ига татарскаго.

Интересныя извѣстія получаютъ изъ Прибалтійскаго края.— „Пасторъ прихода Лютрингенъ, Гольдингенскаго уѣзда, Брифлингъ высланъ въ Тобольскую губернію.

Высылка послѣдовала послѣ того, какъ пасторъ на похоронахъ произнесъ рѣчь, въ которой порицалъ русскихъ и хвалилъ германцевъ“ ²⁾.

„Владѣлецъ имѣнія „Палень“, Венденскаго уѣзда, Самсонъ фонъ-Гиммельстѣнъ за утайку при мобилизаціи 12-ти лошадей преданъ суду“ ³⁾.

„Въ Валкскомъ уѣздѣ былъ арестованъ крупный землевладѣлецъ баронъ Вольфъ.

Какъ установлено слѣдствіемъ, баронъ Вольфъ скупалъ у окрестныхъ помѣщиковъ и крестьянъ лошадей, подлежащихъ

¹⁾ „Нов. Вр.“ 12 дек. 1914 г.

²⁾ „Русс. Слово“ 14 дек. 1914 г.

³⁾ Тамъ же.

мобилизаціи, по дешевымъ цѣнамъ и пряталъ ихъ въ своихъ имѣніяхъ, надѣясь на свою „неуязвимость“¹⁾.

„Въ состоявшемся вчера²⁾ засѣданіи соединеннаго присутствія перваго и кассационнаго департаментовъ Сената былъ рассмотрѣнъ вопросъ о преданіи суду тальсенскаго (Курляндской губерніи) уѣзнаго предводителя дворянства барона Радена.

Поводомъ для этого послужили слѣдующія обстоятельства, характеризующія прибалтійскихъ бароновъ.

Стражникъ Юхневскій по возникновеніи войны обратился къ барону Радену съ просьбой отпустить его со службы, въ виду желанія поступить добровольцемъ въ армію.

Баронъ Раденъ не только не согласился на это, но въ припадкѣ гнѣва сорвалъ съ Юхневскаго форму и посадилъ его за проявленіе такого желанія подъ арестъ. Юхневскій обратился съ жалобой къ прокурору. Возникло дѣло о превышеніи власти барономъ Раденомъ.

Губернское присутствіе, однако, высказалось противъ преданія барона Радена суду.

По настоянію прокурора дѣло перешло въ Сенатъ.

Вчера соединенное присутствіе перваго и кассационныхъ департаментовъ Сената постановило отрѣшить барона Радена отъ должности уѣзнаго предводителя дворянства и предать его суду по обвиненію по 2-й части 341 ст. и стт. 348 и 362 (превышеніе власти, незаконное взятіе подъ стражу, подлогъ по службѣ)⁴⁾.

Въ одномъ секретномъ нѣмецкомъ рапортѣ отъ 9 марта 1913 года сказано:

„Въ Сѣверной Африкѣ и Россіи нужно породить смуту. Это средство поглотить силы противника. Устройство политическими агентами беспорядковъ должно быть тщательно подготовлено и путемъ матеріальныхъ средствъ. Беспорядки должны вспыхивать внезапно съ разрушеніемъ путей сообщенія и должны имѣть руководителя изъ вліятельныхъ круговъ религіознаго и политическаго“³⁾.

Въ одномъ письмѣ, оставленномъ въ Ригѣ госп. Гирсъ было сказано, между прочимъ, что племянникъ ея Врангель палъ за отечество⁴⁾.

¹⁾ „Русс. Слово“ 13 дек. 1914 г.

²⁾ „Новое Вр.“ 10 дек. 1914 г.

³⁾ „Нов. Вр.“ 13 дек. 1914 г.

⁴⁾ „Бирж. Вѣд.“ 13 дек. 1914 г.

Оказывается, что этотъ Врангель курляндскій баронъ, убитый въ германской арміи.

При этомъ извѣстіи невольно вспоминается, какъ одинъ генералъ съ русской фамиліей, нынѣ находящійся на театрѣ войны, и быть можетъ имѣющій противъ своихъ войскъ германскихъ офицеровъ изъ балтійцевъ, запальчиво утверждалъ въ недавнее, смутное, время:— „Опора русской власти въ Прибалтійскомъ краѣ—это прибалтійское дворянство“.

Къ половинѣ декабря на Кавказѣ въ Ольгинскомъ и Са-ракамышскомъ направленіяхъ обнаруживаются значительныя силы турокъ.

15-ю декабря. Во всѣхъ корреспонденціяхъ съ театра войны ярко выступаетъ, преступная противъ Россіи, дѣятельность нѣмцевъ-колонистовъ. Они всѣми силами помогаютъ германцамъ и австрійцамъ. Шпіоны они изумительные. Сигнализациа нашимъ непріателямъ организована изумительно, какъ это и было уже отмѣчено въ нашихъ замѣткахъ. Въ районѣ военныхъ дѣйствій дома и постройки колонистовъ приспособлены къ боевымъ дѣйствіямъ германцевъ. Если бы было возможно послать нашихъ развѣдчиковъ, офицеровъ генеральнаго штаба, и военныхъ инженеровъ въ приграничныя полосы военныхъ дѣйствій и въ Прибалтійскій край, то получилась бы картина поразительная. Двойное, двуличное, подданство нѣмцевъ не допускаетъ никакого къ нимъ довѣрія. Посмотрите на здѣшнихъ петроградскихъ нѣмцевъ, уже русскихъ подданныхъ (булочниковъ, колбасниковъ, цвѣточниковъ и другихъ коммерческихъ профессій людей). Какія у нихъ довольныя хари, когда бываютъ удачныя дни для Германіи, и какія кислыя рожи у нихъ при нашихъ удачахъ. Если пасторовъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ ссылаютъ за моленія въ успѣхахъ германцевъ, то нечего ждать ничего благопріятнаго для Россіи отъ Дейтшландъ юбералистскихъ тевтоновъ.

Колонистовъ нѣмцевъ пограничниковъ надо немедленно нещадно гнать. Какая же будетъ польза отъ нѣмцевъ, уже давно пріявшихъ русское подданство? Будутъ ли они когда-либо считать себя русскими, и дѣтей своихъ воспитывать въ русскомъ духѣ. Разумѣется, никогда. Всегда родина у нихъ будетъ Германія, и портретъ нѣмецкаго кайзера будетъ висѣть у нихъ на первомъ планѣ. Русскими они никогда не будутъ. Старые

колонисты, начиная съ Екатерины II, никакой для Россіи пользы не принесли и ничего для благосостоянія Россіи не сдѣлали. Они захватили громадное количество земли, такое количество, что если бы его обнародовать, то надо выпучить глаза отъ изумленія. Зачѣмъ направлять нашихъ безземельныхъ крестьянъ въ дальнюю Сибирь, а лакомые и жирные куски земли въ Россіи предоставлять нашимъ внутреннимъ, наглымъ, германцамъ. Надо и съ ними теперь же покончить, какъ съ приграничными, разъ навсегда.

Если отъ этихъ лояльныхъ патриотовъ никакъ не избавится, то земельное дѣло наше будетъ проиграно навсегда для русскаго крестьянина. Русская земля должна быть русской, а не нѣмецкой. Какія внутри Россіи нѣмецкія колоніи, какое ихъ устройство, организація, названія,—все это сплошной нѣмецкій фатерландъ, не менѣе опасный для Россіи, какъ приграничные колонисты.

16-ю декабря. Какое позорное поведеніе болгарскаго кайзера и его присныхъ правителей. Какой урокъ для насъ за нашу войну 1877—1878 гг. за освобожденіе славянъ, или вѣрнѣе однихъ только болгаръ, потому что для сербовъ было мало сдѣлано. Недавно слышалъ, какъ одинъ господинъ изъ русскихъ, при многолюдномъ собраніи, утверждалъ, что мы въ войну 1877—1878 гг. не могли ничего сдѣлать для сербовъ, ибо это не угодно было Австріи.

А румыны? у нихъ исчезло совсѣмъ изъ памяти, что русскіе ихъ освободили отъ турецкаго ига, еще въ то время, когда они назывались валахами и молдаванами, а не румынами. Вотъ, что значитъ проливать русскую кровь за чуждые Россіи интересы.

Говорятъ, что у нѣмецкихъ военачальниковъ имѣются аттестаціонные списки нашихъ высшихъ начальниковъ военныхъ и гражданскихъ, и тамъ въ особенности выставляются особенности ихъ характера. Видимо, что фельдмаршалъ Гинденбургъ знакомъ съ этими характеристиками, когда онъ заявилъ, что текущая война есть дѣло характера воюющихъ сторонъ.

А вотъ нѣмецкіе военачальники теряются отъ всего непредвидѣннаго ими. Внезапность ихъ главный врагъ, отъ нея они шалѣютъ; они терпѣть не могутъ ничего вдохновеннаго, творческаго. Они должны все дѣлать отъ пещки, пика, по шаблону.

Даже и въ атаку идти локоть къ локтю. Если ихъ расчетъ нарушенъ, то они теряются.

Тупоумное упорство долбить одну цѣль характеризуетъ современнаго германскаго начальника.

17-ю декабря. Слышалъ, что нейтральная Италія, получая черезъ свои порты аргентинскій хлѣбъ, снабжаетъ имъ Австрію и Германію. Конечно, хлѣбные запасы Болгаріи, Румыніи и Греціи также не миновали германскихъ животовъ.

Разсказывали, что въ петроградскія учрежденія, возникшія для потребностей военнаго времени, нещадно лѣзутъ балтійскіе бароны. Передавали, что одному кровному, русскому, достойнѣйшему во всѣхъ отношеніяхъ, человѣку въ одномъ изъ этихъ учрежденій мѣста не оказалось, а прибалтійскому барону, хотя и довольно дурковатому, мѣсто было уготовано.

18-ю декабря. Государь Императоръ во время пребыванія въ дѣйствующей арміи посѣтилъ ставку Верховнаго Главнокомандующаго, гдѣ принималъ доклады о ходѣ военныхъ дѣйствій, и прослѣдовалъ затѣмъ къ войскамъ. При объѣздѣ войскъ въ мѣстахъ ихъ расположенія, Государь Императоръ Собственно-ручно награждалъ наиболѣе отличившихся въ дѣлахъ противъ непріятеля знаками отличія и благодарилъ воинскія части за боевую службу. Выслушавъ докладъ Главнокомандующаго арміями сѣверо-западнаго фронта, генераль-адъютанта Русскаго, Государь Императоръ изволилъ отбыть изъ дѣйствующей арміи.

Со времени внесенія въ настоящія замѣтки боевыхъ дѣйствій нашихъ войскъ, къ настоящему дню прибавились въ Карпатахъ и ихъ предгорьяхъ мало извѣстныя прежде названія Корчинъ, Горлице, Яслиско, Дукла, Лиско и Перемышль, а на Варшавскомъ фронтѣ Гумино, Иновлодзь, Болимовъ. Эти мѣста ознаменовались сильными боями нашихъ чудо-богатырей съ австро-германцами. Особенно бѣшено-упорны были многократныя, пьяныя атаки германцевъ у Гумина и Болимова. Несмотря на страшныя потери, эти пьяныя атаки, направляемыя дикой волей Гинденбурга, исполняли волю своего руково-

дителя. Прилагаемый рисунокъ представляетъ набросокъ художника, съ одной изъ этихъ пьяныхъ атакъ. Участники боевъ рассказываютъ, что во время пьяныхъ атакъ нѣмцы кричали: „отдай Варшава“. По свидѣтельству корреспондента „Русскаго Слова“ В. И. Немировича-Данченко, непріятель уже сплошь бьетъ по насъ разрывными пулями ¹⁾.

„Это возмутительнѣйшее нарушеніе всякихъ конвенцій, соглашеній и договоровъ больше никого не удивляетъ. Оно въ порядкѣ вещей. Обманувшіеся въ своихъ ожиданіяхъ быстрой побѣды и разгрома непріятеля нѣмцы пускаютъ въ ходъ все. Я видѣлъ такія раны: входное отверстіе въ одной щекѣ, затѣмъ развороченная, раздробленная челюсть, вырванная совсѣмъ другая щека. Незамѣтная ранка въ бедро, внутри измельченная кость и громадный, съ блюдечко, выходъ. Мерзавцы до того дѣлаютъ этотъ огонь густымъ, что наши солдаты уже окрестили его свѣтлячками. Впиваясь въ дерево, падая на шоссе, эти пули даютъ зеленовато-желтые огоньки, вспыхивающіе теперь со всѣхъ сторонъ“.

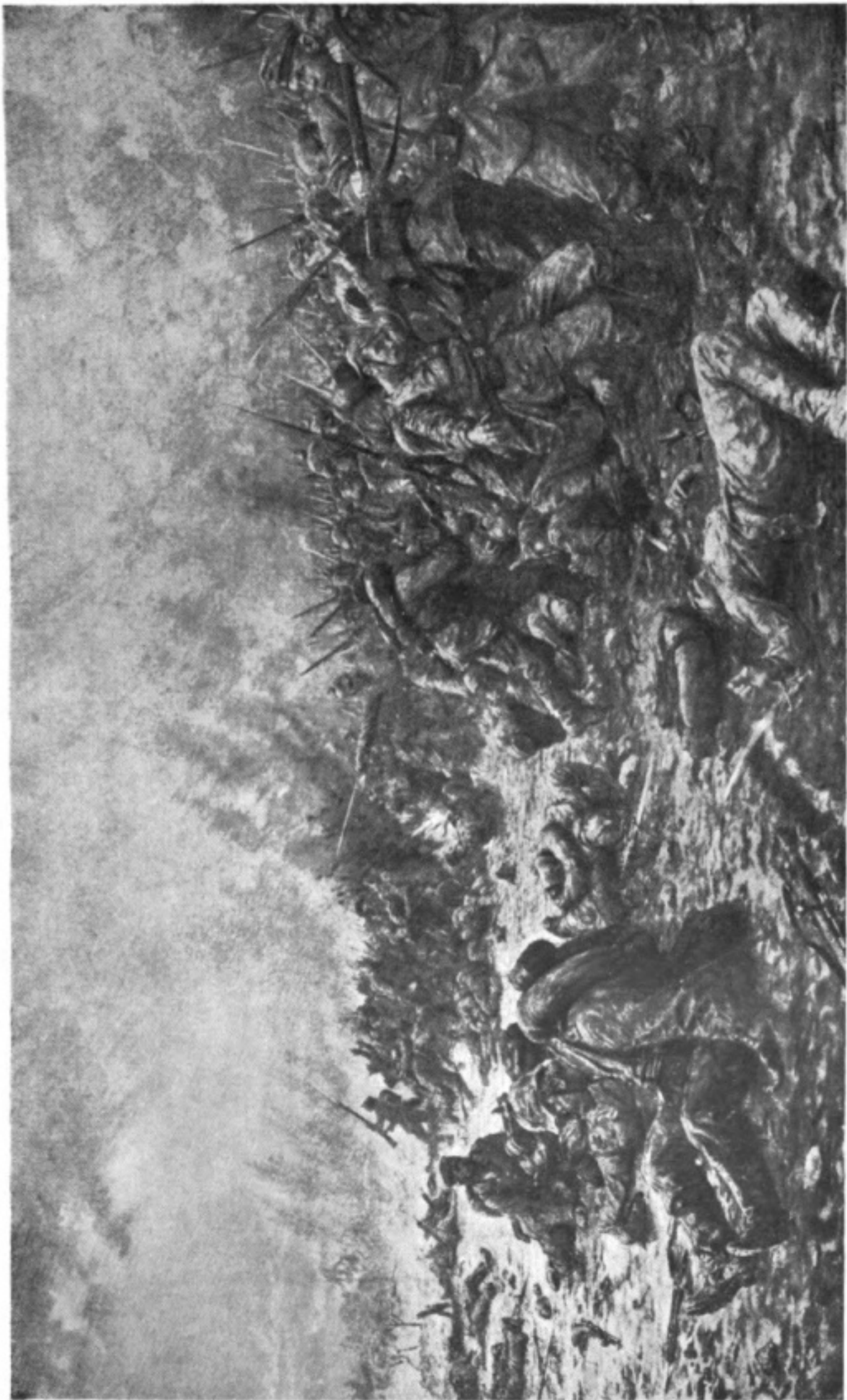
Этотъ же корреспондентъ рассказываетъ ²⁾, какъ во время одного ночного боя подъ Сохачевымъ, когда германцы предполагали насъ обойти, два нашихъ блиндированныхъ автомобиля со скорострѣлкой вылетѣли въ самую гущу непріятельскихъ колоннъ и неожиданно какъ смерчь закружились въ толпахъ германцевъ. Груды нѣмецкихъ труповъ быстро покрыли боевое поле. Наши били въ упоръ, по сторонамъ, назадъ. Нѣмцы кидались на землю, въ слѣпомъ страхѣ ползли въ стороны, бѣжали куда глаза не глядятъ, сталкивались другъ съ другомъ и стрѣляли по своимъ.

Такимъ дивнымъ набѣгомъ отбита была эта атака.

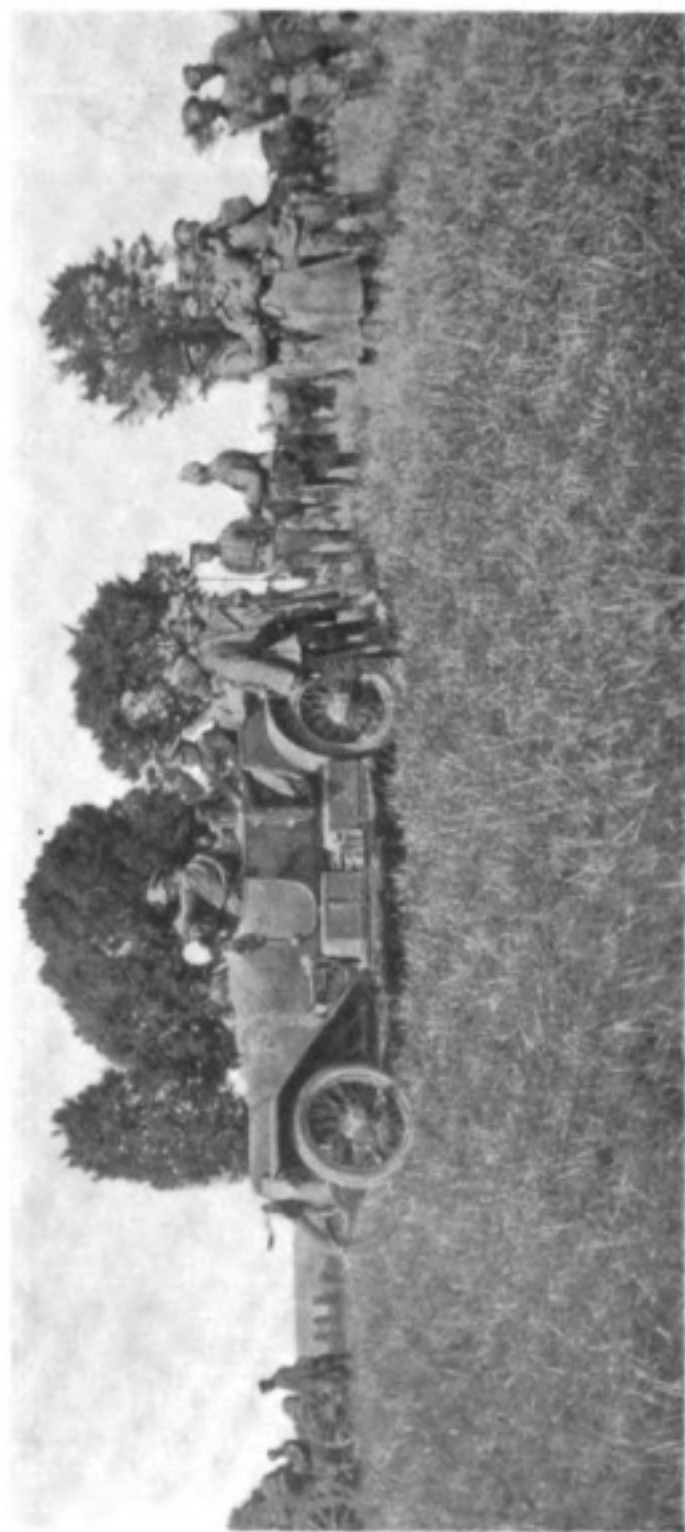
19—20 декабря. Опять упорныя атаки германцевъ на Бзурѣ и Равкѣ. Мы вступаемъ въ Буковину. На Кавказѣ идутъ упорныя бои съ турками въ Сарыкамышскомъ и Ольгинскомъ направленіяхъ и у Ардагана.

¹⁾ „Русское Слово“ 18-го декабря 1914 года.

²⁾ Тамъ же.

Наши враги: Шьяная атака.

Радко-Дмитрієвъ на боевыхъ позиціяхъ.

28 августа 1914 г. Рѣшительныя минуты Городка.

Приводимъ прелестный рассказъ сибирскаго стрѣлка о томъ, какъ онъ одинъ подбилъ нѣмецкій автомобиль и привелъ его въ штабъ ¹⁾.

— „Какъ же ты это сдѣлалъ?—спрашиваю солдата.

— Шелъ я, ваше благородіе, по дорогѣ, вижу, автомобиль катить, по виду на нашихъ не похожъ, и управляетъ имъ человекъ въ нѣмецкой шапкѣ. Я отступилъ отъ шоссе, разсыпался въ цѣль, открылъ огонь и началъ его обстрѣливать. Автомобиль подшибъ, и машина стала, я подбѣжалъ и того, который въ машинѣ сидѣлъ, тоже подшибъ... Думаю, надо машину въ штабъ доставить. Сѣлъ вмѣсто шоффера, пробовалъ управлять, ничего не выходитъ,—пыхтитъ и ни съ мѣста... А тутъ навстрѣчу крестьянинъ ѣдетъ,—распрягъ повозку и заставилъ везти... Говорятъ къ наградѣ представили“...

21—22 декабря. Опять многочисленныя и безрезультатныя атаки и атаки германцевъ на Бзурѣ и Равкѣ. На Карпатахъ прибавился бой за Ужокскій переваль, на Кавказѣ упорные бои въ прежнихъ мѣстахъ, а въ Буковинѣ продвигаемся впередъ.

Армія Радко Дмитріева взяла за послѣднія двѣ недѣли въ плѣнъ 311 офицеровъ, 22.269 нижнихъ чиновъ, и захватила 7 орудій и 45 пулеметовъ.

Въ прилагаемомъ рисункѣ Радко Дмитріевъ изображенъ на своемъ автомобилѣ на боевыхъ позиціяхъ, на этомъ же автомобилѣ, во время похода, этотъ войсковой кумиръ непрерывно проѣзжаетъ по походной колоннѣ.

Другой рисунокъ представляетъ Радко Дмитріева 28 августа 1914 г. въ рѣшительную минуту Городка, за что онъ награжденъ послѣдней наградой Георгіемъ 3-го класса.

Общеземская организація, во главѣ которой стоитъ кн. Львовъ, перевозитъ ежемѣсячно на своихъ 40 поѣздахъ 13.000 раненыхъ. За 4 мѣсяца войны она израсходовала на снабженіе солдатъ теплыми вещами 16 милліоновъ рублей.

Въ нѣкоторыхъ городскихъ лазаретахъ города Саратова для плѣнныхъ нѣмцевъ въ день Рождества по ихъ стилю была устроена елка. Зажигались свѣчи, раздавались подарки, кон-

¹⁾ „Веч. Вр.“ 20 дек. 1914 г.

фекты, папирсы и яблоки ¹⁾, а въ городѣ Оренбургѣ, Орскѣ и др. сосланные въ Оренбургъ и Орскъ нѣмцы, служившіе до ссылки въ нѣмецкой компаніи Зингера, получаютъ прекрасныя назначенія въ той же компаніи Зингера въ Оренбургскомъ и Орскомъ ея отдѣлахъ.

Какую еще видную роль играетъ и теперь въ Россіи нѣмецкое засилье.

23-ю декабря. Яростныя атаки на Болимовъ. Въ Буковинѣ овладѣли Сучавой. На Кавказѣ мы взяли обратно Ардаганъ.

Приводимъ разсказъ заживо погребеннаго нашего раненаго ²⁾. „Была полная ночь, когда я очнулся отъ своего обморока,— разсказываетъ раненый.—Съ громаднымъ усиленіемъ, упершись во что-то мягкое,—это былъ трупъ,—я попробовалъ приподняться, но невыносимая боль заставила меня снова откинуться на спину. И, падая, я увидѣлъ передъ собой, на краю ямы, въ которой я лежалъ, свѣже-сколоченный крестъ, неясно бѣлѣвшій. Я былъ въ могилѣ, и рядомъ со мной лежали два уже похолодѣвшихъ трупа“. Полубезсознательное состояніе, въ которомъ находился раненый, помогло ему перенести ужасъ тѣхъ двухъ дней, что онъ пробылъ въ этой незарытой могилѣ, покаместъ почти случайно не былъ подобранъ нашими санитарями, привлеченными къ могилѣ невнятнымъ стономъ раненаго.

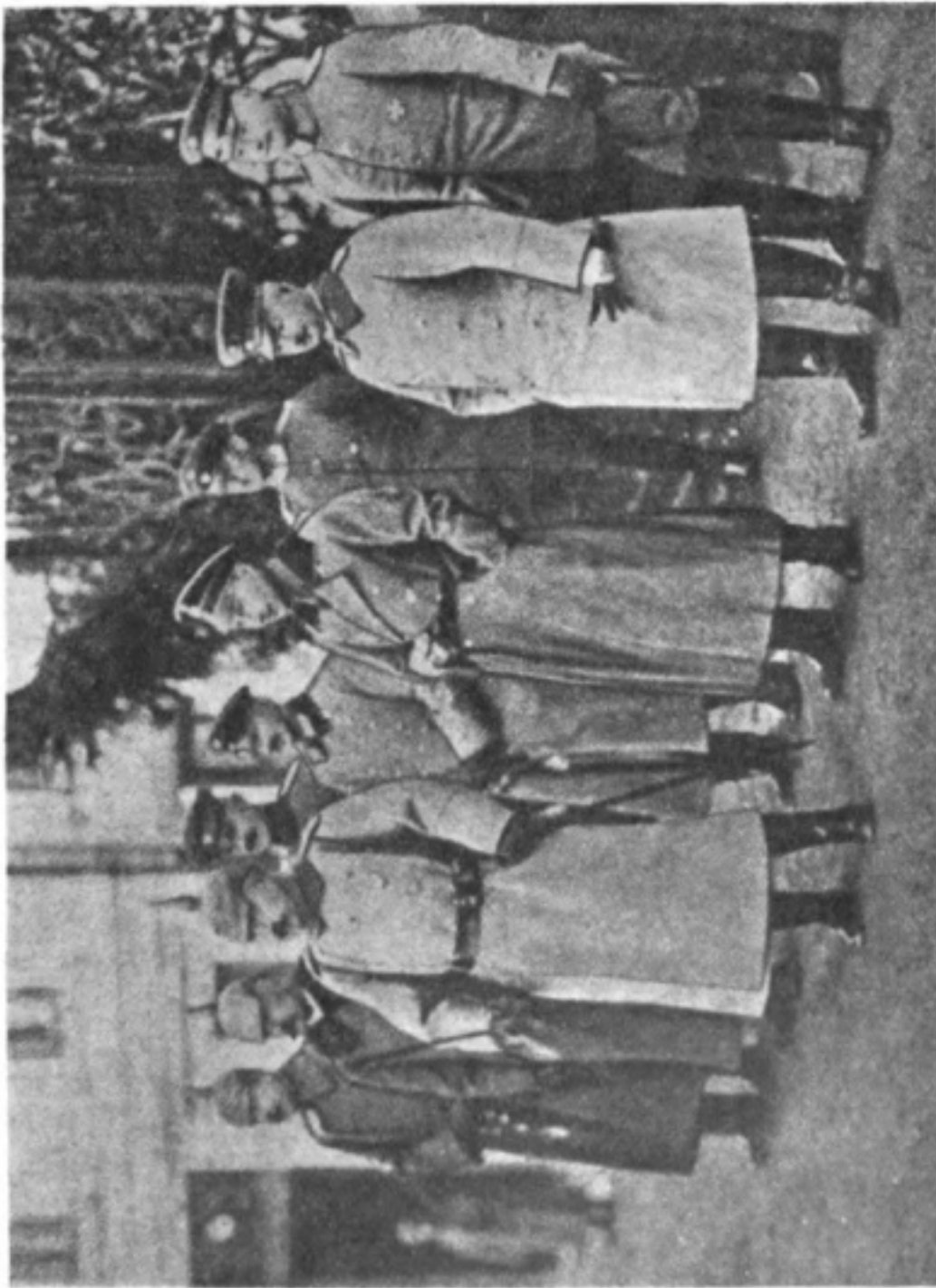
Кайзеръ Вильгельмъ любитъ кататься по германской арміи съ большими предосторожностями и громаднымъ конвоемъ. На прилагаемой фотографіи онъ изображенъ во время недавняго его посѣщенія главной квартиры кронпринца въ Польшѣ.

24 декабря. Наши дивныя кавказскія войска подъ Сарыкамышемъ разнесли турецкія полчища. На-голову разбили турецкіе 9 и 10 корпуса и взяли громадное количество пѣвинныхъ, орудій и пулеметовъ. Подъ Ардаганомъ разбитъ первый турецкій корпусъ.

„Бреслау“ и „Гамидіе“ встрѣтились съ Черноморскимъ флотомъ, и поврежденные нашимъ огнемъ убѣжали къ Константинополю.

¹⁾ „Нов. Вр.“ 21 дек. 1914 г.

²⁾ „Нов. Вр.“ 23 дек. 1914 г.

Наш и враги: Вильгельм II въ главной квартирѣ Кронпринца.

Какія вдохновенныя строки посвящаетъ В. И. Немировичъ-Данченко нашимъ героямъ въ своей корреспонденціи въ „Русскомъ Словѣ“, отъ 24 декабря. Вотъ что онъ пишетъ своимъ дивнымъ перомъ:

„Пятый мѣсяцъ въ огнѣ и въ походѣ. Пятый мѣсяцъ люди не видѣли надъ собою кровли. Хлестало ихъ ливнями. Пекло безпощадное солнце въ іюлѣ и августѣ. Засасывали вязкіе омуты осенью. Желѣзнымъ гвоздемъ прибивали къ землѣ, слава Богу, недолгіе морозы. Сырыхъ обдувало и знобило безжалостнымъ вѣтромъ. Били сверху шрапнели, низали вдоль пулеметы, въ клочья рвали снаряды, впивались и рвались въ тѣлѣ подлые „свѣтлячки“. Солому просасывало подъ ногами слякотью. Вода въ окопахъ, холодная и смрадная, подымалась чуть не до колѣнъ. Безсонныя ночи въ заревахъ горящихъ деревень, въ штыковыхъ встрѣчахъ съ одурѣвшимъ пьянымъ врагомъ, въ вѣчномъ ожиданіи засады, въ прислушиваніи къ шорохамъ за каймами раскинутыхъ передъ траншеями труповъ... Лобъ въ лобъ съ противникомъ, который крадется отовсюду... Мучительныя пути къ такимъ побѣдамъ, о которыхъ не вѣдалъ еще міръ. Атаки по горло въ водѣ на живую стѣну непріятеля, засѣвшаго за гребнемъ берега, въ зеленомъ мракѣ лѣса, гдѣ врагъ заслонился, срубивъ на твоей дорогѣ вѣковыя деревья, перепутавъ ихъ сплошными завалами, нарылъ волчьихъ ямъ, окутался колючими проволоками, змѣиными жалами вонзающимися въ руки и ноги, терзающими лицо и грудь, когда споткнувшійся солдатъ падаетъ на эти адскіе переплеты. Минуты тревожнаго сна,—сутки непрерывнаго боя. Переходы, какихъ и коню не обломать, въ такую даль, гдѣ не нагонитъ ни ротная кухня, ни телѣга съ хлѣбомъ. Героизма—мало! Героизмъ въ моментѣ, въ порывѣ, въ стремительности удара, въ порывѣ защиты. Нѣтъ! Надобно нѣчто высшее героизма: рѣшимость вынести все, сила одолѣть не только человѣка, но и стихію, побороть не оцетинившагося штыками нѣмца, не сосредоточившійся на тебѣ огонь пулеметовъ, но голодъ, сонъ, усталъ, бездорожье; не гастроль вдохновеннаго подвига, а изо дня въ день, изъ минуты въ минуту все то, съ чѣмъ нельзя жить, дышать, думать. Надо заковаться въ стальную броню готовности на все, умирать каждое мгновеніе, но не отдавать священныхъ рубежей, пока бьется сердце, и кровь еще струится по жиламъ. Болятъ кости, слипаются глаза, нервы вотъ-вотъ оборвутся, какъ слишкомъ натянутыя струны, а ты выжидай на себя врага, глуши его мощнымъ окрикомъ, обезумь такую отвагой, о какой онъ

развѣ-что въ сказкахъ слышалъ, но наяву еще не видалъ. Строй рѣдѣть, товарищи наполовину уже спятъ сномъ праведныхъ въ братскихъ могилахъ, остальные—кого на носилкахъ подняли и сдали въ лазареты санитары, кто самъ ушелъ туда „перевязаться“, и назадъ, только въ окопъ не пустили его врачи. Сложили на солому въ теплушку и отправили. Строй рѣдѣть, но тѣ же бодрость и сила, точно ушедшіе оставили свои въ наслѣдство этимъ немногимъ. И никто, какъ врагъ, знаетъ это. Бушующимъ ураганомъ кружился, вспѣнными волнами неся сюда и, разбившись и отхлынувъ назадъ, долго не могъ опаматоваться въ своихъ траншеяхъ за ихъ траверсами. Строй рѣдѣть, мало остается, — таковъ жребій войны. Подходятъ наши свѣжіе боевые ряды! Пора смѣнить усталыхъ. Пусть идутъ на давно заслуженный отдыхъ. И вдругъ негаданный отвѣтъ! Какъ одинъ человекъ, эти остатки славнаго полка:

— Останемся здѣсь, гдѣ легли товарищи!

Туть все залито ихъ святою кровью: уйти отсюда къ жизни, счастью, свѣту, — не все ли равно, что измѣнить имъ, зарытымъ тутъ же, около.

— Останемся здѣсь, гдѣ легли товарищи!

Смѣняютъ командира.

— Умру, гдѣ умеръ полкъ! Вмѣстѣ жили, вмѣстѣ и на вѣчный покой!

И въ послѣдній разъ грозно направляются стальные дула въ приближающагося врага, расплатившагося вдесятеро за этихъ бойцовъ. Онъ зоветъ поле передъ окопомъ своимъ кладбищемъ, и когда ему удалось обойти и схватить живьемъ нѣсколькихъ нашихъ, не захотѣвшихъ оставить эту Голгофу, даже грубый, озленный, безжалостный нѣмецъ отдалъ имъ воинскія почести...

Когда вели этихъ плѣнныхъ, германскій офицеръ скомадовалъ своимъ:

— На-карауль!..

Навстрѣчу строился полкъ, и вражье знамя преклонилось передъ ними...

Слава умирающимъ и да здравствуютъ живые! Не забудемъ братскихъ могилъ и послѣ великой побѣдной войны придемъ сюда поклониться священному праху безропотныхъ мучениковъ. Пусть память о нихъ живетъ вѣчно въ сердцахъ, въ пѣснѣ и сказѣ благодарнаго народа, которому они дали все, что у нихъ было, и взаменъ не взяли даже погребальной молитвы. Глубоко напитали землю своею чистою кровью, чтобы на этихъ

поляхъ на вѣки-вѣчные росло и крѣпло дѣло правды и свободы, радости и покоя,—росло, крѣпло и вѣтвилось, покрывая благословенною сѣнью мирный трудъ работника“.

25, 26, 27 декабря. Опять на Варшавскомъ фронтѣ Гинденбургъ опаяваетъ своихъ солдатъ спиртомъ и эфиромъ и посылаетъ ихъ на убой на Боржимовъ-Скерневицы и Могелы.

Всѣ атаки отбиты. Германцы понесли колоссальный уронъ во время декабрьскихъ, безумныхъ, атакъ. Уронъ германцевъ простирался до 200.000.

Въ Галиціи наши войска перешли въ наступленіе и разбили 3 австрійскихъ армій и отбросили австрійцевъ въ Венгрію и къ Кракову. Пѣнныхъ австрійцевъ мы взяли до 80.000. Въ Буковинѣ заняли Гура-Гумору и Кимполингъ.

Одни турки стараются тщетно поправить свое пораженіе у Караургана.

Всѣ эти отчаянные бои разбились о желѣзную стѣну нашихъ чудо-богатырей.

28 — 29 декабря. Одинъ американскій журналистъ провелъ болѣе сутокъ въ русскихъ окопахъ среди солдатъ. Вернулся восторженный и умиленный. Говорить:

— Я понялъ теперь, почему у васъ, русскихъ, такая прекрасная литература. Она—отраженіе прекрасной народной вашей души. Въ другое время, въ обыденщинѣ жизни, за мусоромъ и хламомъ мелкихъ заботъ и нищенскихъ горестей или радостей, эту вашу народную душу въ ея чистотѣ, вѣдь, иностранцу, пожалуй, и не разглядѣть. Но вотъ въ окопахъ! Передъ лицомъ смерти! Въ сплошномъ, непрерывномъ, невидномъ и такомъ скучномъ подвигѣ самопожертвованія. Что это за люди ваши солдаты и офицеры! Живая красота!

Американецъ былъ вполнѣ правъ, утверждая, что „живая красота“ наши офицеры и солдаты. Подтвержденіе этой мысли особенно ярко выразилось въ рассказѣ шт.-кап. Подгурскаго, принимавшаго энергичное участіе въ взрывѣ мостовъ на р. Бзурѣ въ декабрѣ с. г.¹⁾, которые надлежало уничтожить лишь только тогда, когда съ непріятельскаго берега перейдутъ всѣ наши войска. Это былъ мостъ-плюзъ у мельницы, по одну сторону котораго Бзура текла въ видѣ широкаго ручейка, а по другую поднимались очень высоко, заливая часть луга. По прибытіи команды на мостъ, были заложены динамитные патроны и провели поро-

¹⁾ Корреспонденція Н. Рогозинщикова. „Веч. Вр.“ 24 дек. 1914 г.

ховую нить для взрыва. Войска проходили черезъ мостъ, и шт. кап. Подгурскій провѣрялъ ихъ по списку. Къ утру прошелъ послѣдній отрядъ. Мосты на остальныхъ переправахъ были уже взорваны. Вотъ какъ рассказываетъ это дѣло самъ руководитель его:

„Черезъ мостъ спѣшили пройти подводы убѣгавшихъ жителей. Вozы, перегруженные хозяйственной рухлядью, едва поддавались усилямъ измученныхъ лошадей... Матери на рукахъ тащили плачущихъ ребятъ.

Непріятель подходилъ.

Нужно было спѣшить. Но одна мысль не давала мнѣ покоя— что, если я взорву мостъ, а тамъ, на сторонѣ нѣмцевъ еще наши части.

И мы ждали. На мельницѣ, замыкая наши колонны, осталась сотня казаковъ. Чтобы быть спокойными, есаулъ С. послалъ во всѣ стороны разъѣзды...

Черезъ полчаса казаки возвратились съ донесеніемъ, что нигдѣ поблизости нашихъ войскъ не видно, но уже показались густыя колонны непріятеля.

Тоскливо было на душѣ... Томило какое-то предчувствіе. Думалось—взорвешь мостъ, и вдругъ на той сторонѣ окажутся русскіе... При одной этой мысли страшно становилось!

И мы снова ждали, жадно рассматривая въ бинокли открытыя окрестности... Время шло.

Вдругъ прискакалъ казакъ. По его словамъ, нѣмцы были уже верстахъ въ 2^{1/2} отъ насъ, а въ 1^{1/2} верствъ у дер. Попово были оставлены нашей тяжелой артиллеріей два заднихъ хода съ снарядами.

Снаряды неминуемо должны были попасть въ руки непріятелю. Это было слишкомъ обидно.

Проснулось страшное желаніе выхватить снаряды изъ-подъ самага носа непріятеля.

Сказано—сдѣлано. На мельницѣ стояли 4 фурманки. Разгрузить повозки и снять съ передковъ было дѣломъ одной минуты.

Взяли передки и упряжь, и шесть казаковъ рысью пустились въ опасное предпріятіе.

Твердо было дано имъ приказаніе—доставить снаряды, во что бы то ни стало.

Но они ускакали, а мы остались съ тяжелымъ сердцемъ.

Тревожилъ вопросъ—успѣютъ ли?

Вѣдь имъ до снарядовъ было полторы версты, а нѣмцамъ только верста. Одна была надежда на скорыхъ казацкихъ лошадей.

Между тѣмъ насъ начали уже обстрѣливать, то вправо, то влево разрывалась шрапнель.

Германцы надвигались быстро и повидимому страстно хотѣли сохранить за собой мостъ.

Оставаться на мельницѣ было уже не безопасно, и я просилъ есаула увести сотню.

Длинной шеренгой казаки стали уходить. У меня порывалась послѣдняя связь съ отходившей арміей.

Прошелъ часъ.

Безпокойство за казаковъ принимало нервный характеръ.

Нашихъ частей уже давно не было видно.

Нужно отдать справедливость и моимъ минерамъ—они вели себя превосходно—работали съ такимъ спокойствіемъ, точно у себя дома, а не подъ обстрѣломъ въ виду у непріятеля..

И вдругъ—радость. Вижу: скачутъ прямо черезъ поле къ мосту казаки, свади громыхаютъ снарядные ящики... Вывезли!

Усталые, запыхавшіеся, но счастливые...

Велѣлъ увозить снаряды дальше. Въ верстѣ показалась германская артиллерія.

Шрапнель сыпалась все чаще и чаще.

Было время взрывать мостъ... И уже хотѣлось отдать приказаніе поджигать шнуръ, какъ вдругъ—смотрю—бѣгутъ наискось какія-то фигуры. Хватаюсь за бинокль—батюшки, наши!

Нужно во что бы то ни стало рвать мостъ, съ одной стороны скачутъ нѣмцы, а съ другой бѣгутъ заблудившіяся наши части.

Кто скорѣе?

Такого нервного напряженія я никогда въ жизни не испытывалъ, какъ въ продолженіе этихъ нѣсколькихъ минутъ, пока не выяснилось, что наши солдаты успѣютъ спастись...

И едва перебѣжалъ черезъ мостъ послѣдній изъ нихъ, какъ шнуръ былъ зажженъ.

Отбѣжали—ждемъ.

Проходить 7—8 томительныхъ минутъ...

И взрывъ. Уже по звуку слышу, что дѣло не важно—смотрю, свая покосилась, но и только. Мостъ цѣлъ. Оказывается, взорванъ только одинъ зарядъ изъ шести.

Что дѣлать?

Шрапнель рвется вокругъ цѣлыми снопами, цѣлы мы только чудомъ...

Направо и налево поднимаются громадныя столбы дыма—восточная окраина Ловича и деревня Забастовъ горятъ... Врагъ быстро наступаетъ. Еще нѣсколько минутъ, и будетъ поздно.

Снова закладывать шнуръ? Но онъ разъ обманулъ, можно ли на него понадеваться?

Нѣтъ. Одинъ выходъ—поджечь непосредственно пороховую нить...

Правда, тогда у насъ останется всего нѣсколько секундъ, чтобы сбѣжать съ моста и самимъ не влетѣть на воздухъ, но зато мостъ будетъ навѣрно взорванъ...

Думать некогда. Сообщаю объ этомъ старшему минеру. Тотъ сразу понялъ положеніе.

Видно было, какъ поблѣднѣло и сдѣлалось серьезнымъ его лицо... Но приказаніе было исполнено точно и безпрекословно.

Все остальное заняло не болѣе, какъ минуту.

Три минера и я взошли на мостъ, наклонились къ патронамъ...

Я роздалъ имъ по папиросѣ. Зажигать необходимо было одновременно, чего трудно было достигнуть со спичками...

Закурили.

— Теперь ребята, слушай! При командѣ „три“ зажигай и бѣги съ моста...

Все готово. Папиросы около пороховыхъ шнуровъ.

— Разъ, два... Секунды кажутся часами...

— Три.

Вижу, у всѣхъ троихъ облачки дыма—значить, загорѣлось. Прикладываю и самъ огонь къ пороху...

Вскакиваемъ, бѣжимъ, прыгаемъ черезъ брешь отъ перваго взрыва...

— Ложись!

И тотчасъ же надъ ухомъ что-то звякнуло, страшный ударъ раскатился по полю, смѣшался съ звономъ разбивающихся стеколъ, земля дрожала...

Я поднялъ голову. Надъ мостомъ падалъ громадный столбъ воды съ обломками свай и настила... Съ глухимъ шумомъ хлынула вода... Мостъ былъ взорванъ и путь врагу отрѣзанъ.

И какъ бы въ отвѣтъ на взрывъ съ нѣмецкой стороны участилась шрапнель, засвистали пули.

Дѣло было сдѣлано, и мы тихо, не покидая двуколки, стали отходить.

Германцы уже бѣсновались на томъ берегу бурлившей и разлившейся рѣки.

Наши врачи, сестры милосердія и врачебный персоналъ на боевыхъ поляхъ и въ лазаретахъ великими подвигами испол-

няютъ долгъ свой. Впослѣдствіи я приведу дивное воссозданіе этой высокой дѣятельности въ талантливой корреспонденціи В. И. Немировичемъ-Данченко, а теперь испросивъ учителя извиненія за массу корреспонденцій, напечатанныхъ въ ноябрьскихъ замѣткахъ, я приведу описаніе многосуточной работы профессора Бурденко корреспондентомъ „Вечерняго Времени“¹⁾.

„Маленькій невзрачный человѣкъ въ защитной курткѣ и фуражкѣ, въ высокихъ сапогахъ, высматривающій изъ-за золотыхъ очковъ, всегда одинаково ровный, рѣдко повышающій голосъ, сосредоточенный,—будто о чемъ-то вспоминаетъ или носить въ себѣ тяжелую думу.

Мнѣ часто приходилось сталкиваться съ этимъ человѣкомъ, но я его какъ-то не замѣчалъ и принималъ—не то за одного изъ безчисленныхъ уполномоченныхъ, не то за врача, какихъ на войнѣ много и какіе не выдѣляются изъ общаго уровня.

Въ послѣдніе дни я снова встрѣтился съ этимъ маленькимъ человѣкомъ въ очкахъ.

Онъ стоялъ у операціоннаго стола за стеклянной дверью, очки его совсѣмъ опустились, глазъ не было видно, а въ рукахъ были щипцы, которыми онъ подрѣзывалъ черепную кость.

На столѣ лежалъ солдатъ съ пробитой головой. Рядомъ на двухъ другихъ столахъ такіе же раненые. Одного уже разбинтовали, и онъ покрикивалъ, когда ему пробивали голову.

Операція окончилась, сестры, ассистенты и санитары,—группа человѣкъ въ семь въ бѣлыхъ халатахъ,—разступились, и маленький человѣкъ перешелъ къ слѣдующему столу.

Рядомъ со мной черезъ стеклянную дверь смотрѣла одна изъ сестеръ. Она не проронила слова и слѣдила глазами за движеніемъ рукъ человѣка, дѣлавшаго операцію.

— Третьи сутки, не отдыхая, дѣлаетъ операціи...—замѣтила она въ мою сторону, когда операція кончилась,—профессоръ Бурденко, его здѣсь всѣ боготворятъ...

Сестра говорила про маленькаго человѣка въ очкахъ. Это и есть профессоръ Юрьевскаго университета Бурденко, которому еще въ прошлую войну предрекали „блестящую будущность“.

Хохоль, изъ духовныхъ, скромный, застѣнчивый, вмѣстѣ съ тѣмъ твердый и настойчивый, не знающій устали, способный по шесть-семь часовъ не выходить изъ операціонной ком-

¹⁾ „Вечернее Время“ 28 декабря.

наты. Мелкихъ операцій не дѣлаетъ. Все больше трепанаціи, серьезныя пораненія живота, переломы, раздробленіе костей.

Когда выпадаетъ свободная минута, и въ пакгаузѣ уменьшается число раненыхъ, профессоръ Бурденко ѣдетъ поближе къ окопамъ и смотритъ бой. Война и солдаты—сейчасъ весь его міръ и всѣ его интересы. Гдѣ онъ, тамъ въ госпиталяхъ спокойно. Знаютъ, что тяжелые раненые будутъ спасены, что серьезныя операціи пройдутъ съ успѣхомъ, что живыхъ останется больше, погибшихъ будетъ меньше.

— Такой руки, какъ у профессора Бурденко, второй въ арміи нѣтъ...—говорятъ сестры.

— Бѣда только, что ему не разорваться“.

И вотъ въ сравненіи съ дѣятельностью нашихъ врачей и сестеръ милосердія, удѣляющихъ свой святой уходъ своему и врагу, и въ сравненіи съ заповѣдью „лежачаго не бьютъ“, свято соблюдаемой нашими чудо-богатырями, мы приводимъ картинку культурныхъ дѣяній германцевъ ¹⁾:

Вблизи села Бабушкина, Волынской губерніи, былъ найденъ трупъ рядового Николаенка съ обрѣзанными ушами, носомъ и половыми органами. На животѣ и на груди найдено 15 колющихъ штыковыхъ ранъ. При осмотрѣ трупа выяснилось, что всѣ истязанія продѣланы надъ Николаенковымъ еще при жизни.

Поручику Смирнову, лежащему раненымъ на полѣ сраженія, пруссаки отрѣзали носъ; гусарь Толстошеевъ весь былъ изрубленъ и исколотъ; одному казаку, на прусскомъ же театрѣ войнѣ, отрѣзали уши и носъ, выкололи глаза и вырѣзали языкъ; другому солдату нѣмцы вырвали ногти, а кожа на обѣихъ рукахъ его была завернута, какъ снятая перчатка.

Одинъ корнетъ, близъ Мюльгаузена, раненый пулей въ грудь, былъ весь исколотъ штыками, а вмѣсто глазъ у него зіяли двѣ впадины, наполненныя кровью. Въ дер. Саенки, близъ Августова, былъ найденъ обгорѣвшій остовъ казака, котораго сожгли живого, обливъ предварительно керосиномъ.

Давно я не бралъ въ руки атласа нашего Стрѣльбицкаго карты Европы. Теперь его у меня нѣтъ подъ рукой, но я отлично помню, какъ въ этомъ атласѣ были приведены карты нашихъ войнъ съ Турціей съ исчисленіемъ того количества

¹⁾ „Нов. Вр.“ 13 ноябр. 1914 г.

квадратныхъ верстъ, которое русскіе завоевывали у Турціи, по окончаніи каждой войны.

Меня очень поражали въ этихъ, отторгнутыхъ отъ Турціи областяхъ, окрашенныхъ извѣстными красками, двѣ особенности. Первое: первоначальныя кампаніи, которыя вела Россія съ Турціей,—оканчивались присоединеніемъ отторгнутыхъ отъ Турціи областей къ державѣ Россійской, а войны послѣдняго времени оканчивались освобожденіемъ отъ турецкаго ига, завоеванныхъ нами странъ, безъ приобщенія ихъ Россіи (Молдавія, Валахія, Болгарія). Второе это то, что въ конфигураціи завоеванныхъ отъ Турціи областей была видна ясно, что сама судьба, отторгая отъ Турціи земли, неудержимо, шагъ за шагомъ, толкаетъ насъ на югъ, по направленію къ Константинополю.

Преисполненъ увѣренности, что по окончаніи настоящей великой войны Константинополь, Босфоръ и Дарданеллы будутъ наши на Св. Софіи засіяетъ русскій крестъ, и образъ Господа Саваоа, замазанный турками на куполѣ софійскаго храма, по преданію, послѣ взятія Константинополя будетъ видимъ всякимъ входящимъ въ храмъ.

В. П.

